

Дни шли своим чередом, в расследовании дела о серийных убийствах по-прежнему не было никаких зацепок, а погода в Тайане тем временем постепенно теплела.

В тот день после полудня Император вместе с Императрицей отправился в Императорский сад прогуляться, чтобы утрясти еду.

— Слышал, Императрица в последнее время часто принимает ванны в полуденный час? Уж не хворает ли часом твоё тело?

Голос Императора Минжэня не таил гнева, но внушал трепет, казалось, он упрекает Императрицу в склонности к роскоши и праздности.

Императрица услышала это, но на её лице не дрогнул ни один мускул, однако она послушно опустила на колени и затянула притворные жалобы:

— Императору ведомо, что здоровьем я не отличалась с младых ногтей. В те годы, ради исцеления моего недуга, матушка с батюшкой и старший брат исходили весь Тайань в поисках чудесного лекарства. Когда я рожала Третьего принца, была ещё молода, да и здоровье держалось крепко, но вот после рождения Седьмого принца в прошлые годы этот хрупкий организм никак не удаётся укрепить, о чём в Императорской врачебной коллегии имеются все записи. Не найдя иного выхода, я вновь попросила брата отыскать прославленные рецепты. Недавно до меня дошло, что регулярные отварные ванны благотворно питают тело, вот я и захотела попробовать. Глядишь, если хворь удастся победить, посчастливится родить ещё и принцессу. Только коль из-за этого кто-то смеет досаждать Императору, я сию же минуту прекращу подобные ванны, дабы не давать повода для сплетен и не пятнать слухами праздности внутренние покои.

Речь Императрицы звучала донельзя искренне и проникновенно, так что у евнухов и слуг, стоявших за спиной Императора, на глаза навернулись слёзы.

В былые годы Императрица действительно хворала, и использовать это в качестве отговорки было вполне разумно и справедливо. К тому же сейчас у Императора имелась всего одна принцесса, а слова Императрицы о желании подарить августейшему роду ещё одну девочку пришлись Императору по душе. К тому же Императрица уже произвела на свет двух принцев — её заслуги неоспоримы, а вины нет и в помине.

Выслушав всё это, Император махнул рукой и поспешно повернулся, чтобы поднять её.

— Играешь и впрямь правдоподобно, вот только выражение лица подкачало — в нём ни капли испуга или страха.

Императрица холодно фыркнула, пока её личная служанка подбежала с шёлковым платком, чтобы смахнуть пыль с подола господнего платья.

— Раз уж Императору захотелось разыграть представление, вашей слуге ничего не оставалось, как подыграть. Раз уж сыграла скверно, вины моей в том нет!

Этот пес-мужчина! Прекрасно ведь всё понимает в душе, но всё равно внезапно напустился на неё — неужто со скуки решил разыграть спектакль? Когда она опускалась на колени, он и не думал её поднимать, бросился изображать скорбь о любимой жене только после того, как она сама во всём оправдалась.

— Уж не сердится ли Император на меня?

Императрица продолжала строить из себя невинную юную деву, с опаской поглядывая на Императора так, словно и впрямь страшилась его гнева. Император бросил на неё косой взгляд, невольно подумав про себя, что Императрица и впрямь прекрасно за собой ухаживает — на такое лицо посмотришь, и язык уже не поворачивается сказать грубое слово.

— С чего бы Государыне гневаться на тебя? Понадобятся впредь какие лекарственные травы — без стеснений обращайся в Императорскую врачебную коллегию.

Император страсть как любил подобные штучки, они тешили его мужское самолюбие.

— Благодарю Императора!

Император раскатисто рассмеялся пару раз и зашагал дальше. Императрица застыла на месте, глядя ему вслед ледяным взглядом.

— И чего в нём ломается, до чего же охоч до представлений!

— Государыня... — тихонько предостерегла стоявшая рядом служанка, боясь, как бы госпожа не ляпнула громко лишнего и не привлекла чужих ушей.

— Хм...

...

Денёк назад премьер-министр вместе с сотнями чиновников подал Императору петицию, настаивая на том, что ради процветания и спокойствия государства следует как можно раньше объявить наследника престола. Однако Император отделялся отговорками на все лады: не назначал ни Третьего принца, ни Шестого принца. Из-за этого некоторые сановники при дворе даже вообразили, будто Император благоволит Старшему принцу — в конце концов, у того уже родился законный старший сын, в то время как прочие принцы еще даже не обзавелись семьями, а многолетняя опала Старшего принца есть не что иное, как способ закалить его характер.

Императрица лишь презрительно фыркала на это. В делах положен строгий порядок по старшинству, есть чёткое различие между главными и побочными жёнами — пусть даже трон не достанется Третьему принцу, остаётся Седьмой принц! А этот нелюбимый Старший принц — кто он вообще такой?! Кто посмеет встать у меня на пути, того я сотру в порошок!

Вернувшись из Императорского сада в кабинет, Император расположился в кресле-качалке, небрежно листая исторические хроники, где описывались междоусобные распри императорской семьи за последние несколько сотен лет. Евнух Му И услужливо обмахивал Императора веером.

— Что подделывает в последнее время Шестой?

Евнух Му И уже начал было дремать, и опахало едва не выскользнуло у него из рук. Но от этого внезапного вопроса Императора он вмиг встрепенулся.

— Докладываю Вашему Величеству, Князь Юнь он...

Евнух Му И лихорадочно зашевелил мозгами: в последнее время вроде бы никаких вестей о Князе Юне не поступало?

— ...Разве Князь Юнь не отбывает по вашему приказу домашний арест в своём поместье?

— Домашний арест?

Император напряг память. Вроде бы несколько дней назад ему донесли о скором возвращении Шестого, чему он искренне обрадовался, но одновременно и рассердился. Этот сорванец — говорил, будто едет поправлять здоровье, а исцелившись, принялся рассиживаться по чужим краям и тешиться прогулками, даже не соизволив навестить родного отца! Вот в горячке он и отдал приказ: по возвращении в Ванъяньчэн посадить Шестого под замок в собственном поместье.

Император хлопнул себя по лбу, а затем проговорил:

— Да неужто станет он послушно сидеть взаперти? Этот мой сынок днём не безобразничает, зато втайне только и делает, что пакостит, причём все пакости — исключительно на голову собственного отца!

— Эх... да кому же еще быть, как не вам, отцу Князя Юня? Князь Юнь лишь злоупотребляет вашей родительской любовью, зная, что вы всё равно разгребёте за ним все завалы.

Евнух Му И «утешал» Императора, прекрасно понимая, что чувства Императора к Князю Юню полны одновременно любви и ненависти. Князь Юнь с детских лет выделялся среди прочих принцев, и за минувшие годы против него было направлено немало скрытых стрел и открытых

клинков, но каждый раз он с легкостью отражал любые удары, заставляя Императора смотреть на него совсем другими глазами.

Но стоило этому парню подрасти, как в нём разыгрался бунтарский дух — целыми днями околачивается среди женской красоты, да ещё делает долги в весёлых домах, так что содержательницы борделей являлись за деньгами прямо к дворцовым воротам! Бывал случай, когда две замужние дамы из внешнего города сцепились из-за него не на жизнь, а на смерть и дошли до судебного разбирательства, требуя, чтобы он принародно объявил, которая из них приглянулась ему первой! Дело даже дошло до столичного суда, где заявили, будто Князь Юнь велел самому Императору выбрать одну из них в жёны сыну — какое же это проклятие...

— Эх... объяви Шестому, пусть явится вечером во дворец к ужину, соскучился я что-то по нему. Удивительное дело, этот Третий вечно мозолит мне глаза, а тянет меня почему-то к этому непутёвому Шестому.

Произнеся это, Император расплылся в ласковой улыбке.

Евнух Му И глядя на него, тоже расплылся в улыбке.

— Разве отцу не свойственно тосковать по родному сыну? К чему эти жреческие мерки к самому себе, Император не обязан быть бездушным святошей.

— О? Почему же нельзя мерить мерками святость? Разве Я не могу побыть святым?

Столкнувшись с таким вопросом Императора, евнух Му И без тени смущения ответил:

— Да потому что ни один святой во все веки веков не смог стать императором, а раз вы, Ваше Величество — истинный император, то по определению превосходите любого святого!

— Хм... неплохо сказано, мастак ты лизать Мой августейший зад!

Хоть Император и понимал, что это чистой воды лесть, на душе у него потеплело.

— Никак нет, раб ваш лижет вовсе не зад, а драконий хвост!

— Ха-ха-ха...

Император рассмеялся так, что на глазах выступили слёзы. Утерев уголки глаз, он позволил евнуху Му И поднять себя, отложил исторические хроники и приготовился вновь взяться за разбор докладов.

Не успел пролететь и день, как незадолго до ужина Императору доложили: Князь Юнь занемог и явиться во дворец к трапезе не сможет.

— Заболел? Разве он не только что поправился, с чего бы ему снова слечь?

Император недоумевал: в письмах, присланных в дороге всего несколько дней назад, тот уверял, что чувствует себя превосходно, как же можно умудриться заболеть, просто отлёживаясь дома? Уж не притворяется ли он?

— Этот сорванец часом не на Меня ли дуется?

Император захлопнул доклад, швырнул его на стол, и лицо его в мгновение ока приняло выражение человека, у которого заняли денег и не думают отдавать.

— Ваше Величество излишне тревожится, Князь Юнь — ваш родной сын, разве может он гневаться на собственного батюшку? А судя по нраву Князя Юня, он, пожалуй, находится в... находится в...

Евнух Му И вдруг сообразил, что лучше бы ему вовсе не открывать рта.

— Точно, Шестой наверняка под предлогом болезни упорхнул в какое-нибудь злчное место! Не удивительно, что здоровье его никогда не приходит в норму, вовсе не умеет себя сдерживать. Ладно, пускай его, такая уж у него страсть. Пошлите людей поторопить его — пусть возвращается в поместье и как следует отлёживается, дабы не давать повода недоброжелателям ухватить себя за уши!

— Слушаюсь...

Однако Император угадал лишь на две трети. Болезнь и впрямь была выдумкой, и в весёлом доме он действительно находился, вот только с той разницей, что Сяо Цзочэнь пребывал вовсе не в борделе Тайаня, а в увеселительном заведении Ванъяньчэня!

Ванъяньчэн лежал на юго-западе от Тайаня, отделённый от него всего одной городской чертой. По юго-западную же сторону Ванъяньчэня раскинулся Мяоцзян: с одной стороны их разделяла лишь река, а с другой — горные хребты. Спасаясь от мяоцзянских ядов и червей-гу, местные жители с младых ногтей обучались простейшим навыкам распознавания и нейтрализации ядов. Само же название Ванъяньчэн носил со времен основания Тайаня триста лет назад. Сказывают, в те давние годы из-за смут и войн жители Ванъяньчэня лишились крова: кто побогаче — бежал куда глаза глядят, мужчины уходили на фронт, а бедняки оставались ждать голодной смерти. В конце концов город превратился в мёртвую пустошь.

Позже в город явилась некая небожительница, которая в одиночку всего за два года заполнила улицы ароматами цветов и вернула обитель к жизни. Со всех концов света потянулись люди,

желающие обосноваться здесь и найти покой. С тех пор Ванъяньчэн процветал, богател с каждым днём и заслуженно носил славу Первого города Тайаня.

Только вот лица той небожительницы до сей поры никто так и не узрел.

Князь Юнь сидел у окна, вслушиваясь в доносящиеся из глубин весёлого дома звуки музыки, прикрыв глаза и наслаждаясь мелодией, в то время как пальцы в такт постукивали по столу. Даже внезапно влетевший в окно голубь склонил набок голову, прислушиваясь к переборам струн. Однако эта гармоничная картина вмиг рухнула, стоило Юнь Вэю грубо схватить птицу.

Дослушав мелодию до конца, Князь Юнь неторопливо открыл глаза, и Юнь Вэй протянул ему маленький бамбуковый тубус, снятый с голубиной лапки.

Князь Юнь принял его, пробежал глазами записку и невольно рассмеялся.

— Этот старик всё же вспомнил обо мне. Передай мой приказ: завтра возвращаемся в поместье.

— В какое поместье? — опешил Юнь Вэй.

— В Тайань, в поместье Князя Юня.

— Слушаюсь!

— Да, и позови Хуа Юй наверх.

Получив приказание, Юнь Вэй тут же спустился вниз, и не успело пройти и мгновения, как за дверью появилась молодая женщина. На ней было простое одеяние, в руках она бережно прижимала гуцинь — это была та самая музыкантша, что играла внизу.

— Хозяин...

Женщина опустила цинь и грациозно склонилась в поклоне перед Князем Юнем.

— Зачем это Хуа Юй понадобилась хозяину?

Хотя она и принадлежала Князю Юню, в стенах весёлого дома все носили исключительно фамилию Хуа. Девушки здесь продавали лишь своё искусство, но не тело, и каждая проходила специальную подготовку. Двери заведения открывались всего на три часа в сутки, ночлег гостям не предоставлялся — всё это делалось ради защиты женщин.

— Только что ты сбилась в одной ноте.

— А?

Хуа Юй испуганно замерла от слов господина. Эту пьесу она исполняла не меньше тысячи раз, как такое могло случиться?

— Сыграй снова.

— Слушаюсь.

Назвалась ли причиной ошибка в игре или нет, раз уж господин пожелал услышать мелодию вновь, оставалось лишь покорно подчиниться.

А Князь Юнь, едва зазвучала музыка, вновь прикрыл глаза, погружаясь в безмятежный отдых.

<http://bllate.org/book/21822/2259406>